

Жалобами делу не поможешь. Нужно сперва разобраться в нынешнем окружении и всё трезво проанализировать, поэтому Лу Цзыяо нашел повод отпроситься и уехал из дворца домой.

Старый господин семьи Сюэ и старая госпожа всё еще были живы, поэтому семья не делила имущество. Усадьба представляла собой унаследованный от предков большой дом с четырьмя внутренними дворами и просторным садом, где через журчащие ручьи были перекинуты изящные мостики.

Медленно шагая по крытой галерее, Лу Цзыяо подставлял лицо весеннему ветерку, и его смятенные чувства постепенно улеглись, а воспоминания прежнего владельца тела более-менее выстроились в голове.

Отец Лу Цзыяо занимал не самую маленькую должность, да только дохода она не приносила, так что жили они куда беднее, чем семья старшего брата отца, унаследовавшего пост в Министерстве доходов.

События романа разворачивались в эпоху Великой Ци, напоминавшей период династии Мин. Жалованье чиновников было невероятно низким, из-за чего для взяточничества существовали даже официальные названия. К примеру, подчинённые подносили подарки начальству дважды в год — в начале зимы и лета, что именовалось «угольным поклоном» и «ледяным поклоном», а также на три главных праздника и два дня рождения.

Чиновники в столице не имели прямого контакта с простым народом и не могли сдирать с него три шкуры, поэтому их жизнь целиком зависела от общепринятых «выражений почтения» от подчинённых.

Но господин Сюэ отвечал за сферу просвещения и общался главным образом внутри дворца; подчинённые у него тоже не могли нажиться, так что ему приходилось оставаться вынужденно честным.

День от дня жизнь становилась всё туже, и все в семье надеялись, что старший молодой господин семьи Сюэ, Сюэ Цюн, поспособствует первому принцу взлететь до небес и утянет за собой весь род к богатству и славе.

К примеру, за сегодняшним обедом Лу Цзыяо впервые на собственной шкуре ощутил, насколько не богата семья Сюэ.

Хотя семья и не делила дом, обыкновенно каждая ветвь обедала отдельно.

Семья Лу Цзыяо жила в восточном дворе резиденции Сюэ. За обеденным столом сидели лишь господин Сюэ, госпожа Чэнь и двое молодых господ.

Старшим молодым господином был законный сын Сюэ Цюн, которому только исполнилось десять лет, а вторым — Лу Цзыяо.

Родная мать Лу Цзыяо, наложница Чжоу, не имела права сидеть за столом и должна была стоять подле него вместе со служанками, прислуживая господину и госпоже.

Сегодня приготовили суп из фазана — он аппетитно благоухал, а две куриные ножки выглядели сочными и нежными.

По заведенному порядку наложница Чжоу положила одну ножку в пиалу господина, а вторую хотела предложить госпоже.

Однако госпожа сослалась на то, что у неё болят зубы и она не может такое есть, так что ножка, разумеется, досталась её сыну Сюэ Цюну.

Сидевший напротив Лу Цзыяо с громким сглатыванием сглотнул слюну.

До перемещения в этот мир он этими куриными ножками уже объелся, но после двух дней на пустом капустном бульоне запах птицы казался слаще изысканного деликатеса, и восьмилетний лакомка Лу Цзыяо никак не мог устоять перед искушением.

Господин Сюэ всё же сохранил остатки отцовского чувства: услышав, как младший сын сглатывает слюну, он посмотрел на ножку в своей пиале и произнес:

— У меня тоже зубы не те, так что...

Едва Лу Цзыяо собрался растрогаться до слез, как сидевший рядом старший брат Сюэ Цюн молниеносно умял свою ножку и с блестящими от жира губами поднял руку:

— А у меня зубы отличные! Я поем за отца!

Это прозвучало так, словно он вызвался принять на себя тяжкую муку. Разве мог Лу Цзыяо позволить ему «страдать»? Он тут же вмешался, спеша избавить отца от обузы:

— Старший брат уже съел одну, так что эту доем я!

Госпожа Чэнь, увидав, что этот побочный отпрыск смеет не знать своего места, тут же заступилась за родного сына Сюэ Цюна:

— Твой старший брат в эти дни тренируется в фехтовании с первым принцем, ему приходится нелегко. Ему, разумеется, нужно больше мяса, чтобы восстановить силы.

Господин Сюэ слегка замешкался, и ножка, которую он собирался подвинуть к младшему сыну, снова изменила направление.

Справедливость была на втором месте. Старший сын находился подле будущего наследного принца и являлся главной надеждой семьи Сюэ, так что ему естественным образом полагалось больше.

Господин Сюэ не читал сценарий и не знал, что в итоге на престол взойдет третий принц, а тот не успеет даже согреть трон, как его устранил седьмой принц. В глазах господина Сюэ именно у первого принца были наибольшие шансы, а значит, и у старшего сына Сюэ Цюна — самое блестящее будущее.

Видя, что ножка вот-вот уплывет, Лу Цзыяо быстро сообразил и обратился к господину Сюэ:

— Наш третий принц целыми днями сдаёт Императору экзамены по Четверокнижию и Пятиканонию, ему тоже приходится несладко. Всё равно Император не особо подгоняет первого принца с мечом, так что старший брат мог бы иногда и поленился!

Господин Сюэ проницательно поднял глаза на Лу Цзыяо и спросил:

— Его Величество часто проверяет познания третьего принца?

Лу Цзыяо с нарочито детской обидой пожаловался:

— Ну да~ Ребята в нашем дворе постоянно вынуждены быть в напряжении!

Своим взрослым умом Лу Цзыяо прекрасно понимал: как пешка семьи Сюэ, он мог конкурировать с Сюэ Цюном не с помощью капризов и изображаемой жалости, а доказывая, что третий принц пользуется большим благоволением Государя, чем первый принц. Если третий принц в фаворе, то и надеждой семьи Сюэ станет он, Лу Цзыяо, а не Сюэ Цюн.

И впрямь: едва выслушав это, господин Сюэ без колебаний подвинул ножку к Лу Цзыяо и ласково попросил его не спешить, добавив, что если сыну нравится, завтра сварят ещё одну птицу.

Битву за куриную ножку Лу Цзыяо выиграл шутя.

Однако едва после обеда господин Сюэ ушел, лицо госпожи Чэнь застыло подобно ледяному изваянию. Вскинув глаза на наложницу Чжоу, она с холодной ухмылкой вымолвила:

— Умеешь же ты воспитывать сына! Такой мал, а уже научился хитрить, не уважает старших и мелет что попало. И на это еще можно надеяться в плане сыновнего долга?

Наложница Чжоу побледнела от испуга и согнулась в поклоне:

— Наложница недоглядела за Цзыяо, прошу госпожу наказать меня.

Лу Цзыяо: «...»

Прежде в романах он часто читал, как наложницы садятся на шею законным жёнам, а почему же у него после переноса оказалась такая родная матушка-наложница с боевой мощью ниже пяти?

Наложница Чжоу была настоящей красавицей. В памяти прежнего владельца тела она осталась кроткой и добродетельной традиционной женщиной. Как именно она попала в резиденцию Сюэ, прежний Лу Цзыяо из-за своего малого возраста не помнил. Известно было лишь, что наложница Чжоу обычно относилась к себе как к служанке, а перед госпожой Чэнь держалась неизмеримо ниже.

Госпожа Чэнь и наложница Чжоу обе являлись жертвами древней системы многоженства, обе вызывали жалость, и, казалось бы, им не следовало причинять друг другу боль, однако...

Госпожа Чэнь холодно приказала наложнице Чжоу:

— Иди в храм предков переписывать сутры и раскаиваться.

Бух! Витавший в облаках Лу Цзыяо неожиданно брякнулся на колени перед госпожой Чэнь!

— Матушка, смените гнев на милость, это виноват ваш дитя.

Наложница Чжоу со слезами на глазах посмотрела на него и сдавленно прошептала:

— Ты тут ни при чём, скорее уйди, не тревожь покой госпожи!

Лу Цзыяо: «...»

Видит небо, этот внезапный поклонопад и признание вины не были его собственным решением!

Это словно вырвалось из инстинктов данного тела — он непонятно почему взял и поступил так!

Хотя у него самого к наложнице Чжоу не было чувств, тело и память, похоже, были глубоко привязаны к родной матери, заставляя бессознательно защищать её.

Хорошо, если это лишь память о родственных чувствах, а не какая-то особая настройка тела пушечного мяса, вынуждающая при определенных событиях совершать заданные действия и произносить конкретные фразы...

Например, стоит только увидеть маленького будущего князя Нина с новой игрушкой, как Лу Цзыяо невзначай подбежит и разразит её вдребезги...

Тогда, даже будь у него двести пар ушей и десять тысяч хвостов, их не хватит Лун Аотяню на расправу!

Не успело мысленное стадо табуном пронестись в голове, как над ухом Лу Цзыяо вдруг раздалось механическое системное уведомление:

[Очки искупления +6. Обучение системы «Как злодею стать человеком» завершено. Напоминание: набрав 50 очков искупления, вы сможете открыть интерфейс обмена.]

— А у братца Цзыяо всё же есть чувство ответственности, — госпожа скосила глаза на Лу Цзыяо. — Учитывая твой юный возраст и то, что это первый проступок, матушка не станет тебя сурово наказывать: удержу лишь полвэня из твоих карманных денег за этот месяц, чтобы тебе впредь было уроком.

В современном мире матерью Лу Цзыяо считалась бы наложница Чжоу, но в древности сын от наложницы обязан был называть официальную жену «матушкой», а в обиходе чаще звал её «госпожой».

Обращения у древних людей понять несложно: в основном все повторяли за слугами. К примеру, отец Лу Цзыяо был третьим господином семьи Сюэ по имени Сюэ Чэн, так служанки и слуги третьего двора звали его «господином» или «третьим господином Чэнем», а сыновья, жена и наложницы в повседневности тоже называли его «господином», и даже старый господин и старая госпожа величали его «господином» — это и называется следовать обращениям слуг.

Разумеется, сыновья могли звать его и «батюшкой», а родители — обращаться по имени, всё зависело от семейных привычек.

К этим выводам Лу Цзыяо пришел за последние два дня наблюдений, ведь прежний владелец тела был восьмилетним ребёнком и обращался ко всем чисто по привычке, не вникая в тонкости правил, так что Лу Цзыяо пришлось доходить до всего самому.

Сейчас же в мыслях Лу Цзыяо крутилось только что прозвучавшее системное уведомление, и ему было не до подсчетов того, насколько весомо наказание в «полвэня», поэтому он просто коснулся лбом пола и принял решение.

Когда госпожа ушла к себе, наложница Чжоу, глядя на своего заботливого сына, испытала и жалость, и глубокое утешение. Она торопливо вытащила сбережения, отложенные от собственного рта, и передала личной служанке Лу Цзыяо, велев не экономить на еде и питье братца Цзыяо во время занятий в школе, а недостающие полвэня она закроет из своего кармана.

Если бы Лу Цзыяо принял деньги от родной матери, заработанные 6 очков искупления, вероятно, вычли бы обратно. Поэтому он поспешно отклонил доброту наложницы Чжоу, сказав, что во дворцовой школе дают выпечку и брать еду с собой не нужно.

Лишь тогда наложница Чжоу успокоилась, похвалила его ещё пару раз и ушла отдыхать к себе.

<http://bllate.org/book/18379/1766762>